

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ. КЕЙС: РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

Сагитова Лилия Варисовна, кандидат исторических наук, доцент
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420014, г. Казань, ул. Батурина, 7
E-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Рассматривается использование этнического фактора политической элитой Татарстана в условиях центробежного (1990-е гг.) и центростремительного (после 2000 г.) периодов постсоветского развития российской государственности и становления новых федеративных отношений. Анализируются факторы, стимулировавшие содержательное наполнение региональной политики идентичности в начале 1990-х гг. К их числу следует отнести две формы социального неравенства (экономического и этнокультурного), сформировавшиеся в результате советского ранжирования административных территорий и республик. Наряду с этим показаны основания социальной поддержки населением республики политической стратегии властной элиты. Использование конструктивистской парадигмы в исследовании этнополитических процессов позволяет увидеть эффекты дискурсивной природы национализма, а также проследить пластичность этнического фактора в качестве инструмента политики идентичности в руках региональной элиты. На его модуляцию повлияло два обстоятельства, связанные с достижением баланса интересов между элитами Татарстана и федерального центра, а также политика централизации, проводимая Москвой после 2000 г.

Ключевые слова: политика идентичности, регионализация, этнический фактор, федерализм, политическая элита, «символьная» элита, федеральный центр

ETHNIC FACTOR IN THE POLICY OF THE IDENTITY OF REGIONAL ELITE. CASE: REPUBLIC OF TATARSTAN

Sagitova Liliya V., Ph.D. (History), Associate Professor
Sh. Mardzhani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
7 Baturina St., Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation
E-mail: liliya_sagitova@mail.ru

The article deals with the use of the ethnic factor by the political elite of Tatarstan in the conditions of the centrifugal (1990th) and centripetal (after 2000) periods of post-Soviet development of Russian statehood and the formation of new federal relations. The paper analyzes the factors that stimulated the content filling of the regional identity policy in the early 1990s. These include two forms of social inequality (economic and ethnocultural), formed as a result of the Soviet ranking of administrative territories and republics. Along with this, the foundations of social support for the population of the republic of the political strategy of the power elite are shown. The use of the constructivist paradigm in the study of ethno-political processes allows one to see the effects of the discursive nature of nationalism, and also to trace the plasticity of the ethnic factor as an instrument of identity politics in the hands of the regional elite. Two circumstances related to the achievement of a balance of interests between the elites of Tatarstan and the federal center, as well as the policy of centralization pursued by Moscow after 2000, have influenced its modulation.

Keywords: identity policy, regionalization, ethnic factor, federalism, political elite, "symbolic" elite, federal center

В России, являющейся многонациональным государством, этнический фактор играл и продолжает играть важную роль как в идентификационных процессах на личностном, групповом и общенациональном уровнях, так и в политическом строительстве страны. Важнейшим аспектом её постсоветского развития стали процессы регионализации, основными акторами которой выступили различные группы элит субъектов Федерации во взаимодействии с властной элитой федерального центра. Активность элит, детерминированная факторами разного порядка, в конечном счёте привела к переформатированию дизайна федеративных отношений, формирова-

нию новых политических структур в регионах, утверждению региональной идентичности, синтезирующей территориальные, локальные, этнические и другие компоненты.

Анализ формирования политики идентичности на уровне национальных республик и Республики Татарстан в частности за последние 30 лет соединяет две взаимосвязанные составляющие. Первая из них, относящаяся к ряду объективных факторов, связана с макрополитическими процессами на уровне всего государства в период общественно-политической трансформации конца XX в. Переходный период, сопровождавшийся девальвацией советских институтов и ценностей, социально-экономическим кризисом, слабостью центральной власти, вызванной разборками между группами элит союзного и федерального уровней, задал старт процессу передела властных полномочий между центром и регионами. По приводимым А.К. Магомедовым данным, «к осени 1993 г. российские провинции сосредоточили в своих руках 60 % полномочий федеральной власти. Остальные 40 % делили между собой враждующие высшая законодательная и исполнительная ветви власти», из чего следовал вывод о том, что местные правящие элиты переместились в центр общероссийской политики» [3, с. 9].

Основной импульс трансформации был задан политическими элитами, поэтому для анализируемого нами случая – формирования политики идентичности в Республике Татарстан – интересы республиканской элиты можно отнести к разряду субъективных факторов, действующих на региональном уровне. Имея деятельностную основу, они выступают в качестве динамической составляющей процесса формирования республиканского политического дизайна. В то же время важнейшим фактором политики идентичности являются интересы других групп элиты (экономической, этнонациональной) и всего населения региона, включающего доминирующие этнические группы (русских и татар).

Анализируя действие этнического фактора в процессе формирования политики идентичности национальной республики, важно выделить влияние общеполитической конъюнктуры внутренней политики России. Она характеризовалась дрейфом от центробежных тенденций (1990-е гг.) к центростремительным с приходом на пост президента РФ В.В. Путина (2000-е гг.), когда перекосы политики региональных властей стали корректироваться в соответствии с единым российским законодательством в контексте общего политического пространства и общих целей общероссийской интеграции [12]. Смена политического вектора значительно повлияла на действие и интерпретацию этнического фактора в поле региональной политики. В связи с этим нами предпринимается попытка проанализировать модуляцию этнического фактора в формировании политики идентичности современного Татарстана в условиях различающейся политической конъюнктуры российской внутренней политики, а также показать используемые властной элитой основные инструменты и механизмы конструирования постсоветской региональной идентичности Татарстана.

Находящийся в фокусе исследования процесс социально-политической трансформации, стимулируемый наряду с другими, например этническим фактором, актуализирует использование конструктивистских и инструменталистских подходов. Так, в качестве зонтичной используется теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана [1]. Дискурсивная природа национализма, которую так или иначе затрагивают теоретики национализма, обращает нас к теории дискурс-анализа постструктуралистов Э. Лакло и Ш. Муфф [13]. Для нашего исследования важна их интерпретация политики в качестве широкого понятия, которое относится к способу, с помощью которого мы постоянно конституируем социальное [11, с. 18]. Их теоретическая позиция органично встраивается в рамочную концепцию П. Бергера и Т. Лукмана, поскольку также исходит из диалектической взаимосвязи субъектно-объектных отношений, показывая, что содержание и структура дискурсов не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения.

Поле влияния дискурсов включает идентификационные процессы, посредством которых, собственно, и происходит реификация социальных конструктов. Для анализа этнополитических процессов мы вводим операциональную категорию «дискурс национального самоопределения» (ДНС). Стимулом для использования данного понятия стала представленная выше теория дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф. В целом дискурс трактуется как совокупность фиксированных

значений в пределах специфической области [11, с. 17]. Соответственно, применительно к нашему случаю дискурс национального самоопределения – это совокупность фиксированных значений, институционализирующих этничность как в политической, так и в этнокультурной сферах жизни общества. При этом к фиксированным значениям мы относим такие понятия, как: этнос, этническая группа, этнокультурная общность, нация, национальность, этническая культура и язык, право нации на культурное воспроизводство, национальная идеология, национальное самоопределение, национальное большинство, национальное меньшинство и др.

Исследование конструирования политики идентичности в Республике Татарстан носит междисциплинарный характер. В связи с этим в формировании источниковой базы и её анализе использовались методы социальных наук: политологии, истории, социологии, этнологии. Так, анализ социально-политической конъюнктуры проводился при помощи компаративного метода, помогающего в сопоставлении исторических периодов развития республики выявить факторы влияния, формирующие специфику каждого из них. Дискурсивная природа этничности изучалась при помощи методов контент- и дискурс-анализа республиканских СМИ и интернет-ресурсов, заявлений и интервью представителей политической и «символьной»¹ элиты Татарстана. Интересы социальных групп исследовались с использованием количественных и качественных методов социологии, таких как массовый опрос и глубинные, биографические интервью.

Детерминанты политического самоопределения Татарстана в 1990-е гг. Актуализация этнического фактора в постсоветском Татарстане предопределялась рядом разноплановых факторов. Первый из них был связан с общероссийским кризисом советской идентичности, когда обесценившаяся идентичность «советский народ» стала замещаться на исторически традиционные – этническую и религиозную. Второй фактор связан с различными формами неравенства, проявлявшимися в политической, социально-экономической, этнокультурной сферах жизни жителей республики. Названные проявления неравенства предопределялись заложенной советской административной системой союзной иерархии республик и регионов. Система ранжирования территорий «союзный центр со столицей в Москве – союзные республики – автономные республики – автономные округа» формировала экономическое и статусное неравенство. Так, союзные республики получали большее финансирование, больше прав и возможностей в социально-экономическом развитии и воспроизводстве культуры населяющих их народов по сравнению с автономными республиками. Ниже шли области и автономные округа. Эта форма неравенства была особенно чувствительной для политической и «символьной» элит. В связи с этим политика идентичности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. проходила под лозунгом повышения статуса республики и суверенизации. Один из лидеров Татарского общественного центра (ТОЦ), учёный-этнолог Д.М. Исхаков отмечал: «При обсуждении проблем национального возрождения проблема статуса Татарстана в первой программе движения занимала одно из важнейших мест. Основной круг вопросов сосредотачивался вокруг неравенства прав и возможностей союзных и автономных республик (неравное представительство в Совете национальностей Верховного Совета СССР депутатов от союзных и автономных республик; противоречивость принципов образования РСФСР; фактическая номинальность её федеративности при отсутствии Совета национальностей, представляющего интересы субъектов Федерации; несогласованность Конституции РСФСР, в которой автономная республика признается социалистическим государством, и Конституция СССР, где государством признаются лишь союзные республики; различия в принципах формирования бюджетов; худшие условия для культурного развития народов автономий» [2, с. 11].

Неравенство по оси «центр – союзные республики – автономии – автономные округа» воспроизводилось и на уровне партийной бюрократии, когда представители нижних ступеней иерархии сталкивались со статусным неравенством. Полученный в ходе профессиональной деятельности опыт влиял на формирование внутренней солидарности региональной партийной элиты и её комплементарность идеям национального движения, силами которого уже к концу 1980-х гг. был сформирован дискурс национального самоопределения. По данным С.А. Сергее-

¹ «Символьная элита» – научная и творческая интеллигенция, создающая и тиражирующая посредством научной литературы, СМИ и произведений искусства этнические ценности и символы. См.: [9, с. 77].

ва и З.Х. Сергеевой, наличие тесных связей правящей элиты республики с национальным движением было очевидным: около 60 % участников I съезда ТОЦ были членами КПСС [10, с. 193].

Усилия республиканской элиты с начала реформ были ориентированы на легитимацию властных полномочий как на внутриреспубликанском уровне, так и на общероссийском. Они определялись в значительной мере действием этнического фактора, который был закреплён международными нормами о праве наций на самоопределение. Наряду с этим в поле политики самой республики этничность актуализировалась национальным движением, влиянию которого в начале 1990-х гг. была подвержена значительная часть татар. Специфика внутренней политической конъюнктуры того периода состояла в тесной сопряжённости этнического фактора с фактором социально-экономического неравенства по уровню жизни местного населения вне зависимости от этнической принадлежности. Данное обстоятельство явилось веским аргументом в споре региональной элиты с федеральным центром за увеличение объёма политических и экономических полномочий, поскольку центральное правительство несло ответственность за сложившуюся систему распределения в государстве. Поэтому оппозиция «центр – республика» в политическом дискурсе тех лет ассоциировалась с оппозицией «узурпатор – жертва» [6; 9].

Эта оппозиция получила отражение в информационном поле, формируемом «символьной» элитой. Татарская творческая интеллигенция наполняла содержание дискурса яркими образами исторического прошлого, этническими ценностями и символами, призванными отделить реальные либо мнимые проблемы татарского сообщества. Стержневыми элементами дискурса национального самоопределения выступали образы утраченной государственности татар; забвение исторических корней, забвение религии предков, утрата родного языка [6; 7; 9]. При этом конструктивистская деятельность элит не носила изолированный характер: значимая часть татарского сообщества была обеспокоена состоянием дел в этнокультурной сфере¹. Сопряжённость интересов национальной интеллигенции и этнически ориентированной части татарского сообщества имела синергетический эффект и обеспечивала социальную поддержку проводимой политике идентичности властной элите республики. Таким образом, этничность и оппозиция «центр – республика» стали несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей своё региональное Я в 1990-е гг. Дискурс национального самоопределения, развиваемый региональной элитой, помимо этнической составляющей приобрёл и социально-экономическую, поскольку русское население, также как и татарское, выступало за повышение экономических прав, сохранение значимой части дохода, производимого республикой, на нужды её внутреннего развития и повышение уровня благосостояния местного населения. Результаты этносоциологических исследований, проводимых в тот период², свидетельствовали о широкой поддержке политики, проводимой республиканской элитой. Так, по исследованиям «НИК» (1994 г.), за то, чтобы землей и ресурсами территории распоряжалась исключительно республика, высказалось 62 % татар и 40 % русских Татарстана [8, с. 129]. Сопоставление степени доверия к Президенту РФ и Президенту РТ показало, что 42,1 % русских и 63,4 % татар в республике считали, что М. Шаймиев лучше других выражает интересы народа, 11,6 и 3,5 % назвали Б. Ельцина. За высокую степень децентрализации (в опросе

¹ Нами был проведён контент-анализ писем читателей журнала «Идель» – одного из популярных журналов этнокультурной ориентации. Результаты показали высокий уровень вовлечённости читателей в этнонациональный дискурс журнала. См.: [9, с. 103–105].

² Исследовательские проекты, в которых мы принимали участие в качестве исполнителя: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» («НИК», 1994 г., рук. Л.М. Дробижеева); «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» («СЭН», 1999 г., рук. Л.М. Дробижеева); «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане» (1996–1998 гг., рук. Л.В. Сагитова).

1997 г.)¹ высказались 66 % татар и 50,1 % русских. За сильное централизованное российское правительство – 12,2 и 26,3 % [5, с. 321].

Политика республиканской идентичности проявляет высокую степень чувствительности к изменениям политического вектора в государственном строительстве России. Так, подписание двустороннего Договора о разграничении полномочий между Татарстаном и Москвой создало почву для стабилизации отношений между центром и республикой. Закреплённые законодательно права и обязательства федеральной и региональной элит свидетельствовали о достигнутом балансе интересов и формировании платформы доверия между элитами центра и региона. Названное событие стабилизировало как социально-экономическую, так и общественно-политическую ситуацию в республике. Это касалось как русского населения, которое опасалось этнического протекционизма и апеллировало в этом аспекте к федеральному центру, так и татар, для которых республика мыслилась как политическое ядро сохранения и воспроизводства национальной культуры и языка. Названные события нейтрализовали конфликтный потенциал дискурса национального самоопределения, который постепенно стал уходить на периферию политики идентичности региональной элиты, уступая место интеграционному тренду.

Этнический фактор также продемонстрировал пластичность. С 2000-х гг. его подача в поле публичности и политики всё больше стала связываться с культурным своеобразием и достоянием республики в многонациональной России. Этому способствовали значимые мегапроекты, которые получили старт, начиная с интеграционного проекта «Великий Волжский путь» (2000–2005 гг.), задачей которого стало налаживание экономических и культурных связей с регионами, исторически привязанными к Великому Волжскому пути. Значимое место в этом ряду занимают такие события, как празднование 1000-летия Казани (2005 г.), проведение Чемпионата мира по водным видам спорта (2015 г.), футболу (2018 г.), Всемирной универсиады (2013 г.). В рамках последней проводилась Культурная универсиада, в рамках которой репрезентировалась история и этническая культура татар [4].

Политика идентичности республиканской элиты поменяла свой вектор на позиционирование региона в качестве лидера по социально-экономическому развитию региона среди других субъектов РФ. Акцент на развитие информационных технологий, строительство Иннополиса и технопарков, развитие городской среды призван укрепить новый имидж стремительно развивающегося региона, сумевшего эффективно распорядиться полученным кредитом доверия и предпочтениями федерального центра.

Историческая закономерность актуализации этнического фактора в поле политики в условиях общественной трансформации связана с проблемами развития политической, экономической и этнокультурной сфер жизнедеятельности российского общества. История распада Советского Союза свидетельствует об установлении по крайней мере трёх закономерностей, первая из которых связывает демократический транзит с актуализацией этнического фактора; вторая связана с обострением отношений по оси «центр – регион»; третья – с возникающей в этих условиях ситуацией торга между борющимися за власть политическими группами центра и региональными элитами. Поэтому можно говорить о маятниковом характере колебания политической ситуации по оси «централизм – регионализм» с включением этнического фактора.

Институционализация этничности в Советском государстве (административное деление территорий по этническому принципу, пятая графа в паспорте, этнокультурные институты и т.п.) сформировала систему координат, в которой этничности принадлежало одно из значимых мест. При этом наложение различных форм неравенства на этничность стимулировало республиканские элиты в условиях постсоветского кризиса использовать этнический фактор в политике региональной идентичности, избрав в качестве политического инструмента дискурс национального самоопределения. Движение российского регионализма в новейшей истории России показало также, что смена политического вектора на реинтеграционный, а также достижение баланса интересов федеральной и региональных элит нейтрализуют конфликтный потен-

¹ Данные исследовательского проекта, в котором мы принимали участие в качестве исполнителя: «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности («ЭГ», 1997 г., рук. Л.М. Дробижева).

циал этничности, уводя его из политики в сферу региональной этнокультурной самобытности. В связи с этим исследование этнополитических процессов в их корреляции с социальными и этнокультурными факторами, изучение их главного субъекта – региональной политической элиты – становится залогом успешной национальной политики государства, что, в свою очередь, актуализирует научную составляющую оценки состояния межэтнического климата в стране и процесса интеграции многокультурного населения страны в единую российскую нацию.

Список литературы

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Исхаков, Д. М. Неформальные объединения в современном татарском обществе / Д. М. Исхаков // Современные национальные процессы в республике Татарстан. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. – Вып. 1. – С. 3–12.
3. Магомедов, А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья) / А. К. Магомедов. – Москва : Московский научный общественный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 2000. – («Научные доклады». Вып. 114). – 221 с.
4. Макарова, Г. И. Репрезентация Республики Татарстан в мероприятиях Культурной Универсиады и церемонии открытия Универсиады-2013 / Г. И. Макарова // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – 2014. – С. 76–82.
5. Сагитова, Л. В. Интересы социальных групп в контексте этнокультурной и этнополитической интеграции татарстанского общества / Л. В. Сагитова // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. – Москва : Academia, 2002. – С. 320–347.
6. Сагитова, Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) / Л. В. Сагитова. – Режим доступа: https://www.tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/?url=/institut/etnolog/publ/1/&bso_rewrite_url=/institut/etnolog/publ/1/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Сагитова, Л. В. Республиканская пресса как фактор формирования национального самосознания в Татарстане в современных условиях / Л. В. Сагитова // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – Москва, 1995. – С. 226–247.
8. Сагитова, Л. В. Современные идеологии Татарстана: фактор разделения или консолидации татарстанского общества / Л. В. Сагитова // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – Москва : ИЭА РАН, 1998. – С. 111–136.
9. Сагитова, Л. В. Этничность в современном Татарстане / Л. В. Сагитова. – Казань : Татполиграф, 1998. – 184 с.
10. Сергеев, С. А. Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане / С. А. Сергеев, З. Х. Сергеева // Кому принадлежит культура? – Казань, 1999. – С. 188–198.
11. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / Л. Филлипс, М. Йоргенсен. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 362 с.
12. Matsuzato, K. From Ethno-Bonopartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990–2000 / K. Matsuzato // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2001. – Vol. 17, № 4. – P. 43–77.
13. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London : Verso, 1985. – 387 p.

References

1. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [Social construction of reality]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p.
2. Iskhakov D. M. *Neformalnye obedineniya v sovremennom tatarskom obshchestve* [Informal associations in modern Tatar society]. *Sovremennye natsionalnye protsessy v Respublike Tatarstan* [Modern national processes in the Republic of Tatarstan]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences Publ., 1992, vol. 1, pp. 3–12.
3. Magomedov A. K. *Misteriya regionalizma. Regionalnye pravlyashie elity i regionalnye ideologii v sovremennoy Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya snizu (sravnitelnyy analiz na primere respublik i oblastey Povolzhya)* [Mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of

political recreation "from below" (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region)]. Moscow, Publ. Center of Scientific and Educational Programs, 2000, 221 p.

4. Makarova G. I. *Reprezentatsiya Respubliki Tatarstan v meropriyatiyakh Kulturnoy Universiady i tseremonii otkrytiya Universiady 2013* [Representation of the Republic of Tatarstan in the events of the Cultural Universiade and the opening ceremony of the Universiade 2013]. *Pozitivnyy opyt regulirovaniya etnosotsialnykh i etnokulturnykh protsessov v Regionakh Rossiyskoy Federatsii* [Positive experience of regulation of ethnosocial and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ed. by G. F. Gabdrakhmanova. Kazan, Institute of History Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014, pp. 76–82.

5. Sagitova L. V. *Interesy sotsialnykh grupp v kontekste etnokulturnoy i etnopoliticheskoy integratsii tatarstanskogo soobshchestva* [Interests of social groups in the context of ethnocultural and ethnopolitical integration of Tatarstan society]. *Sotsialnoe neravenstvo etnicheskikh grupp. Predstavleniya i realnost* [Social inequality of ethnic groups: representations and reality], Moscow, *Academiya Publ.*, 2002, pp. 320–347.

6. Sagitova L. V. *Regionalnaya identichnost: sotsialnye determinant i konstruktivistskaya deyatelnost SMI (na primere Respubliki Tatarstan)* [Regional identity: social determinants and constructivist activity of mass-media (on the example of the Republic of Tatarstan)], Available at: https://www.tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/?&url=/institut/etnolog/publ/1/&bso_rewrite_url=/institut/etnolog/publ/1/.

7. Sagitova L. V. *Respublikanskaya pressa kak faktor formirovaniya natsionalnogo samosoznaniya v Tatarstane v sovremennykh usloviyakh* [The Republican Press as a Factor of Formation of National Self-Consciousness in Tatarstan in Modern Conditions]. *Suverenitet i etnicheskoe samosoznanie: ideologiya i praktika* [Sovereignty and Ethnic Self-Consciousness: Ideology and Practice]. Moscow, 1995, pp. 226–247.

8. Sagitova L. V. *Sovremennyye ideologii Tatarstana: faktor razdeleniya ili konsolidatsii tatarstanskogo obshchestva* [Modern ideologies of Tatarstan: a factor of separation or consolidation of Tatarstan society]. *Sotsialnaya i kulturnaya distantsii. Opyt mnogonatsionalnoy Rossii* [Social and cultural distances. Experience of multinational Russia]. Moscow, IEARAS Publ., 1998, pp. 111–136.

9. Sagitova L. V. *Etnichnost v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan, Tatpoligraf Publ., 1998, 184 p.

10. Sergeev S. A., Sergeeva Z. Kh. *Etnokulturnaya politika i etnicheskyy natsionalizm v Tatarstane* [Ethnocultural politics and ethnic nationalism in Tatarstan]. *Komu prinadlezhit kultura?* [Who owns the culture?]. Kazan, 1999, pp. 188–198.

11. Fillips L., Yorgensen M. *Diskurs-analiz. Teoriya i Metod* [Discourse analysis. Theory and Method]. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2008, 362 p.

12. Matsuzato K. *From Ethno-Bonopartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990–2000*. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2001, vol. 17, no. 4, pp. 43–77.

13. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, Verso Publ., 1985, 387 p.